

- ³¹ Туманик Е. Н. Становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX в.: Предпринимательская инициатива Юзефа Адамовского // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири... Новосибирск, 2005. С. 120–127.
- ³² Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 104–105.
- ³³ Бойко В. П. Происхождение и состав томского купечества в конце XVIII — начале XIX в. // Российское купечество от средних веков к новому времени: Науч. конф., Москва, 2–4 нояб. 1993 г.: Тез. докл. М., 1993. С. 92.
- ³⁴ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 105.
- ³⁵ Краткая энциклопедия... Т. 1, кн. 1. С. 21.
- ³⁶ Там же. Т. 4, кн. 3. С. 11–12.
- ³⁷ Там же. Т. 4, кн. 2. С. 123–125.
- ³⁸ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 106.
- ³⁹ Зуева Е. А., Скубневский В. А. Купечество сибирское // Краткая энциклопедия... Т. 2, кн. 2. С. 145.
- ⁴⁰ АААКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 538. Л. 37 об.
- ⁴¹ Высоцкий Н. О., Айгустов Н. Н. Об основании, устройстве и развитии города Ачинска // Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863. С. 20; Резун Д. Я. Русские в Среднем Причумылье в XVII–XIX вв.: (Пробл. соц.-экон. развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984. С. 104.
- ⁴² Краткая энциклопедия... Т. 3, кн. 1. С. 19–20.
- ⁴³ Там же. Т. 4, кн. 2. С. 33.

П. В. Лизунов

ПЕРВЫЕ МАКЛЕРЫ В РОССИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ (XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

Петербургская биржа, учрежденная Петром I в начале XVIII в., изначально предназначалась для облегчения торговли иноземных купцов, а также для приобщения русского купечества к европейским торговым обычаям. Царь не раз посещал биржу, где общался с русскими и иностранными negociантами¹. Им были установлены некоторые начала упорядочения биржевой торговли, отчасти заимствованные на Западе. Так, указом Петра I от 17 марта 1717 г. учреждалась должность гоф-маклера. Им стал английский купец Самуил Андреевич Мюкс². До своего назначения Мюкс вел торговлю в Архангельске и Москве. В Архангельске он женился на дочери местного купца Якова Якимова Авдотье. Затем со всем семейством Мюкс перебрался в Петербург, где продолжил торговлю и даже приобрел сахарный завод, принадлежавший ранее «московскому торговому иноземцу» Павлу Вестову³.

В обязанности гоф-маклера Мюкса входили «к стороне Его Величества чинить всякую верность и казенной прибыли прилежное радение»⁴. В дополнение именного указа из Коммерц-коллегии 24 марта 1717 г. было дано распоряжение, которым «велено ему Мюксу в приказах и в губерниях, на ярмарках, как у покупки, так и у продажи казенных товаров, быть <...> гоф-маклером, и за труд брать с одних купцов, которые те казенные товары будут покупать, по деньге с рубля, а с цены казенных товаров не брать, и с купецких всяких товаров, которые будут чинить торг через его, брать с купца и с продавца по деньге ж с рубля»⁵. При этом ему не запрещалось вести собственную торговлю. В сущности, Мюкс являлся правительственным чиновником для сбора пошлин с купеческих товаров.

В объявлениях, печатавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» о торгах, которые совершались при посредничестве Мюкса, он именовался гоф-маклером или придворным маклером. Товары, которые продавались через него, были самые разнообразные: лошади, вестфальские окорока, бургундское и рейнское вино, золото, серебро, алмазы, женские платья, чулки, шляпы, полотно, сукно, кофе, фарфоровая посуда, сало, треска, поташ, пенька, железо и пр. Иногда в объявлениях о публичных торгах через Мюкса сообщалось, что товары «от него гораздо сносной цене уступлено будет»⁶. Торговля велась Мюксом на бирже, буянах или на квартире, где он жил, в доме английского купца Якова Гарнера за Императорским почтовым двором⁷.

Однако коммерческие дела у Мюкса шли не всегда успешно. Так, 18 марта 1721 г. по указу Сената президентами Коммерц- и Камер-коллегиями П. А. Толстым и Д. М. Голицыным рассматривалось дело о долгах Мюкса казне и частным лицам. Сам должник государю «бил челом, что многократными и несносными <...> случаями в купечестве как морем, так и от должников, пришел он во всеконечную скудость, между которыми и его царскому величеству паче всех других уплатить надлежит, но не может того вскоре учинить понеже от того немалою печалью убивает имея страх всегда в опасение чтоб <...> не приведен он был в тюрьму и правез, и за таким случаем вновь торг завести и кредит себе зажить не имеет ежели его царское величество в бедности и несчастном его скудости милость свою <...> ему оказать не изволит»⁸. Мюкс просил Петра I дать ему, по примеру европейских государств, «мораторские листы или грамоты» сроком на 10 лет для поправления коммерции. Вместо «поруки» Мюкс обещал «по смерть свою пребывать» с женой и детьми в российском государстве и

дать о присягу на верность государю⁹. Неизвестно получил ли Мюкс отсрочку уплаты своих долгов, но звание гоф-маклера он сохранил.

16 января 1721 г. был издан «Регламент Главного магистрата», XIX глава которого «О маклерах или о торговых сводчиках» гласила: «Понеже определенных и присяжных маклеров дело весьма есть потребное, и касается до установления доброго в купечестве порядка <...> и избирается такой маклер и определяется от Магистрата, но никакого жалования не имеет; токмо получает за труды свои определенные деньги от купеческих людей, что ему от Магистрата определено будет, и какие торги и векселя через такого человека заключаются, те надежны от всякого обмана и обмена товаров суть безопасны». Главному Магистрату было велено «в приморских и других знатных городах, в тех, где знатные торги есть, таких маклеров выбрать Магистратом из купечества добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных людей <...>»¹⁰. Никакие договоры на бирже не должны были заключаться без их посредничества, а маклерские записки при сделке должны были гарантировать купцов от возможных убытков и обманов в их торговых операциях¹¹.

Сенатскими указами от 7 июня 1729 г. и 22 января 1731 г. вновь подтверждались права С. Мюкса на занятие им гоф-маклерской должности, данные ему Петром I. По просьбе Мюкса в помощь к нему Коммерц-коллегия определила его соотечественника Ивана Эдварца¹². Как и Мюкс, ранее он вел обширную торговлю в Архангельске, а к 1719 г. переехал в Петербург. В круг их обязанностей входило «чинить всякое прилежание <...> о всяких покупках и подрядах в казну и о продаже казенных товаров, и о переводе через вексель денег из Коллегий и Канцелярий <...> ища казне <...> прибыли»¹³.

Поводом для сенатских указов стали челобитные Мюкса, в которых он просил Петра II об определении его в чин гоф-агента или советника и списании с него «прежних лет доимки»¹⁴. В челобитной, которую Мюкс подал 29 октября 1728 г. государю, он просил доставить из Доимочной конторы в Коммерц-коллегию дела о числящихся на нем казенных и частных долгах за прошлые годы. Из-за задержки с их высылкой, указывал Мюкс, ему «чинился немалый убыток»¹⁵. В доимочных ведомостях значилось за Мюксом по Адмиралтейству и Берг-коллегии долгов на 16504 руб. 97 коп. «да по поручке за платежом» 1371 руб. 70 коп., всего 17876 руб. 67 коп. До окончания расследования дела Мюксу было предложено найти «добрых поручки». Из таковых «поруччиков» он назвал контрадмирала Дуфеса, купцов Векеля, Инесби, Гиля и Эвенса, но только на словах. Реестра их в Доимочную контору не представил и сам туда не являлся. Более того, выяснилось, что некоторые из поручителей сами имели немалые долги и быть таковыми не могли¹⁶.

Мюкса под караулом доставили в Доимочную контору, где свою задолженность он снова объяснил тем, что «в доимку впал от несчастья своего в торгах». Мюкс объявил «долгов своих на российских и иностранных купцов больше 30000 рублей». Несмотря на значительные долги, Сенат приказал освободить Мюкса из Доимочной конторы¹⁷, а ему по-прежнему быть гоф-маклером. Более того, с него снимались прежние долги. В ходе сенатского расследования выяснилось, что многие должники Мюкса были не в состоянии оплатить ему свои обязательства, а некоторых даже отыскать не удалось¹⁸.

В июне 1741 г. на место умершего Мюкса «у продажи казенных товаров и для переводу на вексели казенных же денег» был назначен выходец из Нарвы, мещанин Каспер Кервидер¹⁹. В 1708 г., в ходе Северной войны, он вместе с другими жителями Нарвы был выселен в Вологду. Через Архангельск и Москву он вел торговлю, главным образом, шелковой материей. После окончания войны Кервидер не захотел возвращаться в родной город, а перебрался в Петербург, где продолжил коммерческие дела на бирже и в порту.

В 1750 г. после смерти Кервидера указом Сената гоф-маклером был определен любекский купец Иоганн Сирициус, иностранец, как и его предшественники. Он предоставил в Коммерц-коллегию вместе с прошением о занятии должности «одобрительных о себе три аттестата». Один из них принадлежал английскому генеральному консулу барону фон Вольфу, который сообщал, что ему известно о долге времени службы Сирициуса в хорошей английской конторе «с великой похвалой». Сирициус также пожелал «быть в вечном подданстве ее императорского величества» Елизаветы Петровны. 9 ноября 1750 г. по указу Сената присланного в Коммерц-коллегию его просьба была удовлетворена²⁰.

Если гоф-маклерами в России в течение долгих лет были исключительно иностранные купцы, то маклерской деятельностью занимались и россияне. Их имена встречаются в документах Петербургского магистрата, Комиссии о коммерции и Коммерц-коллегии. Однако их было значительно меньше, чем иностранных маклеров. Назначение иностранных купцов маклерами, безусловно, было связано с их знанием европейских обычаев и норм биржевой торговли.

24 июля 1727 г. российские купцы, торговавшие при Петербургском порте, подали в Главный магистрат на имя Петра II прошение, где жаловались на действия иностранных маклеров, от которых им «чинится <...> немалая ж обида». Они просили государя «тех иностранных маклеров от здешнего порта отрезать». Под прошением стояли многочисленные подписи петербургских купцов и маклеров.

Согласно справке подданной в Комиссию о коммерции из Петербургского магистрата, явствовало, что, кроме Мюкса, других маклеров «определения не было». Магистрат отмечал, что имеется несколько маклеров без определения — 7 иноземцев и 2 русских²¹. В списке перечислялись лица, занимавшиеся посредничеством в Петербурге: гамбургцы Давид Вернер и Яган Штанг, голландец Яков Мысне, Герман Митцен, бременец Петр Маэр, англичане Яган Нигтер и Николас Шмит. Из россиян маклерами были Еремей Михайлович Титов и Иван Иванович Копейкин. Сколько «оныя за труды получают о том», как отмечалось в справке, Магистрату не известно²².

Вскоре, по подсчетам Комиссии о коммерции, в Петербурге посредничеством занимались 4 российских маклера — Еремей Титов, Василий Агаев, Петр Сафонов, Андрей Краснаков.

Наряду с присяжными маклерами, было немало и неофициальных посредников. Борьба с незаконным маклерством велась почти с самого учреждения биржи. Еще в 1729 г. Мюкс подал прошение в Комиссию о коммерции, в котором жаловался, «что многие из купецких людей в его маклерскую должность вступают, и тем добрый порядок должности маклерской повреждают, а у него пропитание отнимают»²³.

В 1734 г., согласно справке, поданной в Коммерц-коллегию маклером Иваном Эдварцом, при Петербургском порту имелись 3 присяжных маклера (Мюкс, Кервидер и Тамес). Из неприсяжных маклеров 8 были иностранными купцами и 6 российскими²⁴.

В 1749 г., по доношению гоф-маклера К. Кервидера, при Петербургском порту посреднической деятельностью занимались как официальные, так и неофициальные маклеры. Из присяжных он указал россиянина Филиппа Веленина, из иностранцев — братьев Тимерман и Якова Мерисонова. Из неприсяжных маклеров Кервидер назвал иностранных купцов Якова Ренигольта, Готфрида Опира, Роберта Девейпорта, Христофора Тесина, Андрея Бодышка, Якова Фиценридера, Фондерса Флита, Питера Медра, Карста Фохта²⁵.

В 1750–1760-х гг. маклерским промыслом в Петербурге занимались Андрей Габбе, Голст, Конрад Готфрид Кизель, Людвиг, Мас, Ренгольт Рейнсторп, Петр Иероним, Георг Эдварц, Рейнсторп, Тесин, Даниэль Цахау, Шлиттер, Яган Гендеман, Отто Каспер Дейчман, Андрей Бодышка²⁶. Из российских маклеров встречается имена купцов: Михаила Сахарова, Ивана Коншинова, Артемия Золотарева, Клима Житного²⁷.

В 1759 г. торговавшие на Петербургской бирже купцы, отмечая, что маклерами являются в основном иностранцы, а из русских только 3 маклера, «да и те к тому делу не весьма еще заобычные», обратились в Сенат с просьбой назначить гоф-маклером природного российского купца. В их челобитной обращалось внимание на то, что «по немало-производимой при здешнем порте коммерции исправиться никак невозможно; и необходимо <...> для лучшего в распространении российскими купцами коммерции и купечеству удовольствия и наблюдения российского купечества интереса, для заключения ими между собою и иностранными купцами, також и судебными местами договоров и торгов и переводу на вексели денег, надлежит определены быть с их российской стороны одному гоф-маклеру»²⁸. На усмотрение Сената была предложена кандидатура торопецкого купца Михаила Ивановича Туфанова, постоянно ведущего торг в Петербурге. В своем прошении русские купцы писали: «должность он, Туфанов, по особливому его достоинству, как честному человеку надлежит, исправить может безостановочно, и они им будут довольны»²⁹. Сенатским указом от 9 ноября 1759 г. Коммерц-коллегии повелевалось привести купца Туфанова к маклерской присяге и назначить его вторым гоф-маклером на таком же основании и с такой же оплатой, как у Сирициуса³⁰.

Вскоре, 29 ноября того же года, состоялось назначение и третьего гоф-маклера. Им стал ревельский уроженец Яган Миттендорф, выбранный по его личной просьбе, поддержанной иноземными купцами. В сенатском указе определение сверх имеющихся двух гоф-маклеров третьего объяснялось возросшими торговыми оборотами: «<...> в рассуждении толь знатного здешнего порта и много-производимых торгов, для записки оных, а особливо ради случающихся в казенных местах при покупке и продаже всяких припасов и материалов надобностей»³¹. Четвертым гоф-маклером по указу Сената в 1760 г. был определен англичанин Томас Рональд³².

Через два года, в мае 1762 г., к ним сверх штатного расписания был добавлен еще один гоф-маклер — гамбургский купец Вильгельм Махенгоур, который 12 лет исправлял должность обычного маклера при Петербургской бирже³³. В указе о его назначении Сенат также предписывал Коммерц-коллегии по необходимости назначать «людей добрых и надежных» сверх определенного

числа гоф-маклеров, «дабы за малоимением оных в случающихся между купечеством, по их маклерской должности, обращениях, остановки быть не могло»³⁴.

В 1764 г. Комиссия о коммерции рассматривала челобитную двух гоф-маклеров Ивана Митендорфа и Петра Барца «о бытии им одним в той должности и о запрещении другим»³⁵. В 1764 г., по справкам, наведенным Комиссией о коммерции, при Петербургском порте числилось 12 присяжных российских и иностранных гоф-маклеров и маклеров. Их точное количество, как указывала Комиссия о коммерции, никаким положением не определено, но, по опросу купечества, «лучшая купеческая польза во множественном числе гоф-маклеров состоит ибо в едином или в двух человеках сия должность отправляющих монополия к отягощению купцов составляться может». Комиссия доносила, что она полагает «и за наилучшую пользу купечеству удобнее большее нежели меньшее число маклеров иметь»³⁶.

Согласно рапорту в Коммерц-коллегию от 12 июня 1797 г. гоф-маклера Якова Барца, на Петербургской бирже к этому времени числилось «по списку иностранных и российских маклеров <...> слишком сто человек, но иные из них или вовсе не исправляют своей должности и находятся в отлучке, а другие померли и иные считаясь только маклерами находятся в других службах»³⁷. Барц к своему рапорту приложил реестр, находящихся при Петербургском порте 3 гоф-маклеров и 102 маклеров. Из трех гоф-маклеров фактически занимались делами только двое — Андрей Фок и он, Иоганн Сирициус «за старостью лет не исправляет должность на бирже». Барц отмечал, что 6 маклеров умерли, трое несколько лет не подавали о себе сведений и на биржу не являлись. Михаил Пастухов с февраля 1787 г. находился на службе в Ассигнационном банке, некоторые пребывали в отлучке по разным делам³⁸.

По переписи, сделанной в 1802 г. тем же гоф-маклером Я. Барцем по поручению Коммерц-коллегии, на Петербургской бирже числилось: еще один гоф-маклер и 105 маклеров, из которых регулярно посещали биржу только 84 маклера.

Подводя итоги, можно утверждать, что в течение XVIII в. число маклеров неуклонно росло, а маклерство, как один из важнейших элементов биржевой торговли, постепенно приживалось в России. Многочисленные правительственные указы, имевшие отношение к деятельности гоф-маклеров и маклеров, свидетельствуют о значении, которое придавалось государством упорядочению торговли. К концу XVIII — началу XIX в. биржевые маклеры становятся неотъемлемым элементом оптовой торговли в крупных городах страны. Однако российских городов, где функционировали присяжные маклеры, было немного. В XVIII столетии, кроме Петербурга, маклеры имелись в Москве, Архангельске, Одессе и Нежине.

На протяжении всего XVIII в. должность гоф-маклера давалась как особая награда и число гоф-маклеров не зависело от действительной в них потребности. Их помощниками являлись другие «казенные маклеры», которые первоначально назначались Коммерц-коллегией, а с 1762 г. избирались по рекомендации биржевого купечества. Все маклеры приводились к присяге, суть которой заключалась в обещании беспристрастия и незаинтересованности в посреднической деятельности³⁹. Они обещали удовлетворяться куртажем по установленной таксе и не вести торговли за свой счет. За убытки, происшедшие по их ошибке, маклеры несли материальную ответственность; в случае же умышленной вины они подвергались уголовной ответственности.

Характерно, что в России маклерами часто становились разорившиеся не по своей вине купцы — «невинно упавшие», оказавшиеся по тем или иным причинам неудачливыми в торговле. Некоторые из них «за несчастием и разорением свой собственный торг оставили» и были вынуждены «для прокормления своего» занялся маклерством⁴⁰. Английский купец, придворный банкир Екатерины II Ричард Сутерланд в 1782 г. в записке президенту Коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову отмечал, что «предмет сего учреждения (институт маклеров. — П. Л.) есть тот, чтобы дать хлеб бедным рачительным людям»⁴¹.

Примечания

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00306а.

¹ См.: Штелин Я. В. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества. СПб., 1786. С. 136–137.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3074; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 5 об.–6.

³ Кросс Э. Г. Британцы в Петербурге: XVIII в. СПб., 2005. С. 82; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 355.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3074; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 5 об.–6.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3074; РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 190. Л. 216.

- ⁶ Санктпетербургские ведомости. 1729. 16 дек.; 1734. 21 февр., 4 апр., 30 мая и др.; *Кайданов Н. И.* Систематический каталог делам Комиссий о коммерции и о пошлинах, хранящимся в Архиве Департамента таможенных сборов. СПб., 1887. С. 57. № 486.
- ⁷ Санктпетербургские ведомости. 1734. 21 февр., 11 июня и др.
- ⁸ РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 33. Л. 1–1 об.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3708; Реестр копиям о должности маклеров (Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 364–366); РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 130. Л. 216.
- ¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. №. 3708.
- ¹² РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 178. Л. 2 об.; Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 6 об.–7; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 369; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. №. 5420, 5682.
- ¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. №. 5682.
- ¹⁴ Там же. №. 5420, 5682.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 138. Л. 1–1 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 2–2 об., 8–9.
- ¹⁷ Там же. Д. 138. Л. 7
- ¹⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 5682.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2854. Л. 12 об.; Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 7 об.–8.
- ²⁰ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Ф. 485. Л. 8–8 об.
- ²¹ Там же. Оп. 2. Д. 190. Л. 216 об.
- ²² Там же. Л. 204–204 об., 216 об.
- ²³ Там же. Л. 207–207 об.; *Чулков М. Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... СПб., 1785. Т. 4, кн. 2. С. 440.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2854. Л. 6–6 об.
- ²⁵ Там же. Л. 3 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 486. Л. 8.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 11008; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Ф. 485. Л. 4–5.
- ²⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 11008.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. № 11011.
- ³² См.: *Кайданов Н. И.* Систематический каталог... С. 236. № 1775; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 4–5.
- ³³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 11544; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 361–362, 371–372 об.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 486. Л. 19.
- ³⁶ Там же. Л. 21–21 об.
- ³⁷ Там же. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2890. Л. 1–1 об.
- ³⁸ Там же. Л. 2–4 об., 5–7 об., Л. 10.
- ³⁹ Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 400.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Ф. 485. Л. 252.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 464. Л. 5.

Т. В. Павлина

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ КОМИ КРАЯ В 20–40-е гг. XVIII в. (по материалам таможенного делопроизводства)

Трудно переоценить значение торговли в экономической жизни России XVIII столетия. «Душою общества» называли ее современники. Доходы от торговли, составлявшие к середине века более трети поступлений в казну¹, обеспечивали финансовую основу для проведения преобразований Петра I и его последователей. Самые отдаленные области Российского государства, представители всех сословий становились участниками товарообменных операций на российском рынке и за его пределами.

Не был исключением и Коми край. Выгодное расположение региона на важных судоходных реках Севера Печоре и Вычегде, повышение товарности развитых на его территории промыслов и сельского хозяйства способствовали упрочению в XVIII в. позиций края на всероссийском рынке, расширению торговых связей с другими областями России и зарубежьем.

Данные процессы получили освещение в обобщающих трудах по истории края и ряде специальных работ². Вместе с тем представленная в них картина торговых связей региона в первой половине XVIII в. не является завершенной, поскольку за рамками исследований остался один из основных источников, необходимых для детального изучения данного вопроса. Речь идет о документации таможенных учреждений, действовавших на территории Коми края до реформы 1753–1754 гг.